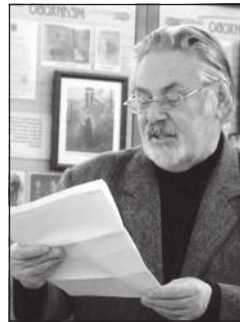

**Геннадий
ШАЛЮГИН**

«ИГРУШЕЧНАЯ ИТАЛИЯ»

А.П. Чехов в Гурзуфе

В январе 2015 года исполнилось 115 лет с момента обретения Чеховым своей гурзуфской дачи. Начиналась эта история в конце 1899 года, когда новоиспеченный крымчанин Антон Чехов узнал о продаже участка земли и домика на берегу Гурзуфской бухты. Климатический курорт Гурзуф, как отмечалось в местных справочниках для туристов, расположен всего в 11 километрах к востоку от Ялты рядом с Аю-Дагом (Медведь-горой). Гурзуф защищает от холодных ветров полукольцо гор, достигающих 1500 м над уровнем моря. Перед Гурзуфом, в море, видны два небольших островка Адалары (скалы «Близнецы»). В разные времена в Гурзуфской долине жили тавры, византийцы, турки, хазары, генуэзцы. Византийцы построили здесь крепость (на скале Дженебез-Кая). Она была сооружена в VI веке и просуществовала более девяти веков. Крепость служила сначала византийцам, а затем хазарам и генуэзцам. В конце XV века турки разрушили ее. Остатки крепости — полуразрушенная стена, сложенная из камня, — находится на Генуэзской скале, поднимающейся почти в центре поселка. Как раз под этой скалой и находился участок земли с домиком, присмотренный Чеховым. До сих пор в бухте под скалой можно найти обломки старинной черепицы и кирпича. Татарин, владевший участком, занимался лодочным промыслом: возил туристов вдоль живописного побережья.

Из путеводителей мы узнаем также, что в XIX веке земли в Гурзуфской долине были пожалованы герцогу Ришелье, бывшему тогда генерал-губернатором Новороссийского края. Он построил здесь каменное двухэтажное здание в европейском стиле; здесь в 1820 году в

дружеском кругу Раевских отдыхал Александр Пушкин. С этого времени началось развитие Гурзуфа. Большой вклад в это внес П.И. Губонин, железнодорожный магнат. Он построил здесь дорогой курорт. В уютной долине у моря был разбит парк, появились гостиницы, ресторан, в который заходил и Чехов, благоустроена набережная. Русло реки Авунда, протекающей через парк, обложили камнем, парк украсили фонтаны. Были построены электростанция, аптека, больница, почтово-телеграфная станция. Гурзуф к концу столетия стал модным курортом, куда приезжали отдохнуть не только толстосумы, но и лица духовного звания, и литераторы. В разное время здесь жилали и отдыхали такие известные люди, как Коровин, Репин, Суриков, Куприн, Мамин-Сибиряк, Шаляпин, Горький, Маяковский...

Конечно же, Чехов был наслышан о гурзуфском курорте. В 1894 году он даже собирался отдохнуть в тихом поселке, соблазнившись его красочным описанием в очерке своего знакомого, молодого литератора Владимира Кигна. «Очерк назывался «Игрушечная Италия», и напечатан он был в январской книжке журнала «Книжка недели». Чехов тогда жил в Мелихове, был утомлен литературой и особенно врачебными заботами — страна пережила недавно очередную эпидемию холеры. У Чехова возникли легочные проблемы — он полагал, что обострился бронхит. Надо иметь в виду, что писатель тогда еще и курил...

В очерке Кигна Гурзуф назван «самой удобной и здоровой из всех зимовок». Он отметил, прежде всего, очень приличные бытовые условия для отдыхающих: Губонин, хозяин курорта, выстроил в гурзуфском парке шесть каменных гостиниц. Комнаты здесь были с высокими потолками, с прекрасными вентиляцией и отоплением. «Из окон гостиницы вы видите то море с его далью, с дальними пароходами и кораблями, морскими птицами, бесконечной нитью пролетающих над самой водой, то горы, спускающиеся к вашим окнам разноцветным, ярким, чистым, новым ковром; на самом верху — рябые камни хребта, затем курчавые леса зеленых дубов и лиловых осенью вязов, затем шершавые блекнувшие разноцветные виноградники — золотые, бронзовые, темно-малиновые... Иногда эта картина перевивается, точно газом, лентами и вуалями легких туманов». Чехову уже виделось, как он будет ходить по губонинскому саду и «воображать, что я опять на Цейлоне». По разным причинам до Гурзуфа писатель тогда не добрался — прежде всего из-за промозглой погоды. В марте 1894 года он поселился в ялтинской гостинице «Россия», где написал рассказ «Студент».

Впервые же слово «Гурзуф» прозвучало в устах Чехова в 1884 году во время встречи с И. Левитаном и В. Гиляровским. Левитан совершил поездку в Крым, привез оттуда массу интересных этюдов и рассказов о южнобережных нравах. Живые рассказы Левитана чуть позднее (1986) отразились в юмореске Чехова «Длинный язык». Во время беседы Левитан набросал в альбоме Гиляровского пару рисунков, в том числе и «Море при лунном свете». Чехов решил не ударить в грязь лицом и выдал свой «шедевр»: волнистой линией обозначил контур гор, кипа-

рисы и туриста с палочкой. Для верности надписал от руки и «гору», и «туриста», и «трактир». Общий заголовок гласил: «Вид имения Гурзуф Петра Ионыча Губонина». Передав альбом Гиляровскому, сказал с улыбкой: «А ты, Гиляй, береги это единственное мое художественное произведение: никогда не рисовал и никогда больше рисовать не буду, чтобы не отбивать хлеб у Левитана» (П., 18, 222-23). Рисовал Антон Павлович — увы — не как Пушкин: талант его был определенно литературный, хотя в семье были и художники, и музыканты, и педагоги... Многочисленные способности передались детям от отца, Павла Егоровича Чехова. Чего у таганрогского купца Чехова не оказалось, так это торговой жилки: это привело к разорению и мытарствам семьи по московским подвалам.

...Новые отношения с Гурзуфом начались в конце 1899 года, когда Антон Чехов узнал о продаже земельного участка и домика на берегу Гурзуфской бухты. 14 января 1900 года, накануне своего 40-летия, Чехов побывал в поселке и сделал себе подарок: приобрел небольшой участок земли с дачкой. На следующий день он писал сестре Маше: «Я купил кусочек берега с купаньем и Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крыт черепицей, четыре комнаты, большие сени. Одно большое дерево шелковица» (П., 9, 14). Тогда же другой подарок сделала ему российская Академия наук, избрав писателя своим почетным академиком.

Упомянутая шелковица росла позади дачки, а во дворике перед верандой не было никакой зелени: в пяти метрах от дома, под небольшим обрывом, плескалось море... Может быть, Чехов находил в этом особую прелесть: в письме к редактору журнала «Русские ведомости» Чехов жаловался, что южнобережные красоты ему успели надоест: «Живешь тут, точно сидишь в Стрельне, и все эти вечнозеленые растения, кажется, сделаны из жести, и никакой от них радости» (П., 9, 17). Но в задумке была мысль насадить целую сотню деревьев — эта идея уже обрела реальные контуры в его Аутской усадьбе, где подобраны породы деревьев и кустарников, передающие эстафету цветения на протяжении всего года.

Близость моря, видимо, радовала писателя, выросшего на берегу Таганрогской бухты. Правда, приазовские морские пейзажи не отличались разнообразием: низкие берега вокруг мутноватого залива... Здесь же бухту окружали живописные скалы, вдали виднелись Адалары и Аю-Даг. «Я недавно был в Гурзуфе около Пушкинской скалы и залюбовался видом, несмотря на дождь и на то, что виды мне давно надоели» (из письма В. Соболевскому от 19 января). В письмах неоднократно упоминается «Пушкинская скала», ставшая собственностью Чехова. Можно предположить, что Чехов втайне гордился этим необыкновенным соседством: он ведь был, говоря современным языком, лауреатом Пушкинской премии... Как утверждала жена известного пушкиниста Б.В. Томашевского Ирина Николаевна, Чехов назвал скалу «Пушкин-

ской» очень точно (сейчас она более известна как Генуэзская). Именно сюда забирался Пушкин во время своего пребывания в Гурзуфе в 1820 году. Башни генуэзской крепости, греческое кладбище на северном склоне скалы поэт описал с большой точностью в черновых строках стихотворения «Кто знает край, где роскошью природы...». Позднее, по ее предположениям, чтобы отвлечь поклонников Пушкина от паломничества к этому прекрасному месту (скала стала собственностью «Артека», на ней, вопреки всем законам, призванным оберегать исторические памятники, возвели гостиницу), имя Пушкина присвоили скале и гроту, о которых поэт не упоминал вообще. (Б.В. Томашевский: крымские страницы. Симферополь, 2001. С. 33–34).

Кроме прочего, Антон Павлович был заядлым рыболовом. Обрадовав брата Ивана сообщением о дачке «с собственными скалами, купаньем, рыбной ловлей...», он просит купить в Москве лесок, плетушку для рыбы, а также грузила и «прочей рыболовной чепухи» (П.,9,44). Самого Антона Павловича радовало, что в Гурзуфе теперь смогут отдыхать и мать, и сестра Маша, и «все наши крепостные» — так в шутку Антон Павлович называл и домочадцев, и все семейное окружение. Напомню, что «на хлебах» у Чеховых в Ялте проживала бывшая кухарка, престарелая Марьюшка Беленовская...

Сидя с удочкой на камнях в бухте, Чехов наверняка видел в прозрачной воде обломки старой керамики: куски черепицы, глиняных сосудов. Все это напоминало о тех временах, когда на скале стояла крепость, построенная полторы тысячи лет назад... В глубине бухты, похоже, сохранились каменные ступени от лестницы, которая вела наверх, в крепость. Возможно, по ним поднимался Афанасий Никитин, который после «хождения за три моря» побывал в Тавриде: в Балаклаве, потом в Гурзуфе, и только потом — в Кафе (Феодосия).

В начале века замечательный художник Константин Коровин поселился в поселке неподалеку от Чехова, но, к сожалению, с писателем здесь не виделся. В апреле 1904 года, незадолго до смерти писателя, художник навестил его на Белой даче, показывал этюды, написанные в бухте возле чеховской дачи. Антон Павлович заинтересовался ими настолько, что просил оставить, чтобы как следует рассмотреть на досуге. 17 апреля 1904 года Чехов сообщил жене о визите Коровина, который оказался, как и Чехов, страстным рыболовом. Он «...преподнес мне особый способ рыбной ловли, без насадки». Тогда же, как полагают биографы писателя, Коровин сделал Чехову «чудесный подарок» — удочку.

В последнюю встречу, по воспоминаниям Коровина, Чехов был уже сильно болен. Ему было не до Гурзуфа... Узнав, что художник собирается поселиться в поселке и построить мастерскую, он сказал сестре:

«Маша, ... знаешь что, отдадим ему свой участок... Хотите, в Гурзуфе, у самой скалы... Я там жил два года, у самого моря... Только там очень море шумит, «вечно»... Хотите? ... — И там есть маленький домик. Я буду рад, что вы возьмете его...

Я поблагодарил Антона Павловича, но и я у самого моря не смог бы жить, — я не могу спать так близко от него, и у меня всегда сердцебиение...».

Коровин вспоминал, что из окон своей мастерской он часто видел домик у скалы, где когда-то жил Антон Павлович. «Этот домик я часто воспроизводил в своих картинах. Розы ... и на фоне моря интимно выделялся домик Антона Павловича. Он давал настроение далекого края, и море шумело около бедного домика, где жила душа великого писателя...» (Литературное наследство, т. 68. Чехов. М., 1960. С. 554–555).

Душным вечером в начале августа 1900 года Антон Павлович сошел с парового катера на гурзуфскую пристань. Мостки с шаткими перилами находились рядом с дачкой, где писатель задумал уединиться. В Ялте возможности побыть одному решительно не было, а Станиславский, гостивший у Чехова накануне, настаивал: без новой пьесы Художественный театр погибнет! Деваться некуда, пора приниматься за работу.

Чехов чувствовал себя не особенно бодро: накануне он проводил Ольгу Леонардовну на поезд в Севастополь, поехал в Балаклаву — погрузиться в одиночестве, заночевал там и уж оттуда на пароходе «Тавель» добрался до Ялты. На море поднимался шторм, пароходик кидало с боку на бок...

Поездка на катере тоже малоприятна: с яйлы то и дело срывался сильный восточный ветер. Антон Павлович выкупался в собственной бухточке и, задумчиво поглядывая на быстро темнеющие скалы, постукивал костяшками пальцев по столу. Надо писать... И сюжет выстроился, и персонажи, кажется, заговорили, а чего-то не хватает... Один из них будет называться Соленый — как недавнего посетителя Белой дачи, пожертвовавшего для голодающих детей Поволжья небольшую сумму денег. Так и просидел весь вечер, слушая свист ветра. Наутро, накинув халат, Чехов спустился в бухту. Сверкало солнце, дробясь в зеркале бухты. Горизонт чист; чайки, словно алебастровые поделки на цейлонском базаре, рядами сидят на камнях... Прозрачная, кристально-чистая вода ласково лижет валуны, и кажется, что дно усеяно тысячами драгоценных камней. Чехов засмеялся от неожиданного прилива бодрости и ступил в воду. Нога судорожно дернулась, словно наткнулась на острые иглы. Бог ты мой! Ледяная безжалостная влага, прозрачная, как увеличительное стекло, так не похожа на вчерашнее парное молоко! Что случилось? Ах да, низовка... Так, кажется, у местных жителей называется пронзительный ветер с яйлы, который в одночасье угоняет теплую воду; взамен из глубины поднимается вода ледяная, гжучая...

Не зря, стало быть, свистело и выло всю ночь... И увиделось вдруг, как в такой же яркий, пронзительно-солнечный день — десять лет назад! — он сидит на пристани у Байкала, ощущая тепло деревянного настила, как молодой офицер бодро сбрасывает опостылевший мундир, как с размаху кидается в хрустальную влагу, как с воплем выскакивает на берег... С Байкалом, братцы, шутки плохи! Вода в озере точно такая, как сегодня в бухте — не выше шести градусов! Как же звали этого безрассудного офицера, любителя споров и соленых шуточек? Шмидт, кажется... Воистину, соленая личность... Капитан Соленый... Готовый персонаж пьесы... Через минуту Антон Павлович сидел за столом и бисерным почерком набрасывал строки пьесы, название которой уже крепко сидело в сознании: «Три сестры». Машина тронулась и завертелась...

Есть интересные соображения о том, как в пьесу «Три сестры» попал мотив пушкинского Лукоморья. Об этом написала Алла Головачева в статье «Крым в жизни и творчестве А.П. Чехова» (Литература в школе, 2010, № 3). Можно заметить, что все путеводители по Крыму непременно сообщали о «пушкинских» приметах Гурзуфа. Перед балконом дачи Ришелье, в которой в 1820 году Пушкин наслаждался южнобережной негой в окружении семьи генерала Раевского, стоит огромный платан, под которым якобы любил отдыхать юный поэт. Молва приписывала славу «пушкинского дерева» еще одному платану, росшему поблизости: под деревом, охватом в 55 вершков, Пушкин якобы тоже любил понежиться под ним, а может, даже и писал стихи. По крайней мере, именно в Гурзуфе родились строки стихотворений «Нереида», «Редееет облаков летучая гряда». Еще одно дерево — кипарис — Пушкин якобы посадил перед домом Ришелье. Думаю, это маловероятно, потому что в августе, когда поэт гостил в Гурзуфе, кипарисов никто не сажает. Даже энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза не избежал воспроизведения этих во многом легендарных сведений.

Известно, что Чехов получил половину престижной Пушкинской премии. Обретя дачу в Гурзуфе, он невольно почувствовал себя еще более причастным к жизни Пушкина. Возможно, это отразилось на характере образности пьесы «Три сестры», которую Чехов начал писать на своей дачке 11 и 12 августа 1900 года. Как пишет Головачева, близость Пушкинской скалы и сознание того, что этот вид на море вдохновлял Пушкина, способствовали возникновению глубинной связи творческих миров великих писателей. Именно Маша — (ее роль предназначалась любимой женщине — Ольге Книппер) — произносит хрестомати йно известную фразу из пушкинской сказки: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...». Известно, что именно с Ольгой Книппер писатель провел здесь несколько романтических дней в июле 1900 года... Через год Ольга Книппер стала женой Чехова... Еще один мотив, по мнению А. Головачевой, проскользнул в беседах Чехова с художником Константином Коровиным, который чуть позднее тоже поселился в Гурзуфе. Антона Павловича, по-видимому, утомлял непре-

рывный шум моря в тесной бухте — и он предложил свой прибрежный участок в подарок художнику, добавив: «Хотите? Только там очень море шумит, «вечно»... Это цитата из пушкинского стихотворения «Талисман».

Вообще же крымские мотивы довольно плотно вошли в ткань пьесы, которую Чехов как-то раз назвал «скучной крымской чепухой» (П.9,107). Это и наблюдения над бытом Ялтинской женской гимназии, где Антон Павлович был попечителем, и фамилия Солёный — такова была фамилия одного из ялтинцев, пожертвовавших деньги на голодающих детей Поволжья, и, как выяснила сотрудница музея Чехова Н. Ничипорук, даже фамилия трех сестер — Прозоровы: эта фамилия значится на выписанной Чеховым квитанции за благотворительный взнос. Типажи главных героинь, по предположению сотрудницы музея Ю. Долгополовой, также имеют местные корни. В статье «Ауткинское эхо «Трех сестер» (альманах «Чеховиана», Москва, 2002) она рассказала о знакомстве Чехова с семьей Меркушевых, которое состоялось через посредство известной меценатки и поклонницы чеховского таланта С.П. Бонье. В начале 1899 года семья из-за болезни (подозрение на туберкулез) переехала из столицы (Петербург) в Ялту и поселилась в Аутке, неподалеку от Чеховых. В семье были три сестры — милые, интеллигентные девушки. Волей судьбы они, как чеховские сестры, оказались в далекой провинции, каковой тогда была Ялта, вдали от столичной культурной жизни. Были Меркушевы знакомы и с известной меценаткой, владелицей курорта Суук-Су О.М. Соловьевой, которая также входила в круг крымских знакомых Чехова. Старший сын Соловьевой влюбился в одну из сестер, Татьяну, и женился на ней. После свадьбы молодожены уехали в Петербург.

Постепенно тайное убежище Чехова становится известным в кругу литераторов. Среди немногих людей, посвященных в тайну гурзуфского убежища, оказалась знаменитая актриса Александринского театра Вера Комиссаржевская. Она была, как известно, первой исполнительницей роли Нины Заречной в чеховской «Чайке». По ее настойчивой просьбе они отправились в Гурзуф. У Чехова к тому времени завязались тесные отношения с Ольгой Книппер, и пребывание «тет-а-тет» с пламенной женщиной в его планы не входило. Чехов взял в поездку сестру Марию Павловну, которая специально громко стучала в соседней комнате, всем видом показывая брату, что пора возвращаться в Ялту... На память об этом несостоявшемся свидании Чехов преподнес актрисе фотографию с надписью: «Вере Федотовне Комиссаржевской 3-го августа, в бурный день, когда шумело море, от тихого Антона Чехова».

Добавим, что отметился здесь и Бунин. Иван Алексеевич был ближайшим другом Чехова и его сестры Марии Павловны. Он запросто бывал на Белой даче, случалось, и живал. Известно, что под гостеприимным кровом чеховского дома он написал стихотворение «Сосны». В Гурзуфе он побывал дважды. В переписке с ним и Антон Павлович, и сестра его постоянно передавали приглашение погостить в «мазан-

ке среди скал». Передавались шутливые приветы от «сколопендры из Гурзуфа».

В конце декабря 1900 года писатель записал в дневнике о своей поездке в Гурзуф. В ней — впечатления, пейзажные детали для будущей работы и от гурзуфской бухты, на берегу которой расположен чеховский домик, и от Кучук-коя, местности неподалеку от Мухалатки, что ненароком купил Чехов, а потом не знал, как избавиться. Характерно, что сюда попало и впечатление от встречи с хозяйкой курорта Суук-Су: «Крым, зима 1901 года, на даче Чехова. Чайки как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки возле клонящейся лодки. Пена как шампанское. Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Суук-Су... Кучук-кой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа. Находят облака. Красавица Березина (!)...» (П. 9, с. 467).

В записках Бунина о Чехове есть запись о совместной поездке в Гурзуф и Суук-Су. Это было весной 1901 года, когда на Страстной неделе, у Чехова в Ялте оказались Бунин и Книппер. Вскоре актриса уехала, и Чехов пригласил Марию Павловну и Бунина на прогулку в Суук-су, где они посетили ресторан: «... очень весело завтракали, я тоже хотел платить, но Чехов сказал, что мы рассчитаемся дома, — он подаст счет; и подал шуточный: «Счет господину Букишону (французскому депутату и маркизу).

Израсходовано на вас:

<i>1 переднее место у извозчика</i>	<i>5 р.</i>
<i>5 бычков а-ла фам о натюрель</i>	<i>1 р. 50 к.</i>
<i>1 бутылка вина экстра сек</i>	<i>2 р. 75 к.</i>
<i>4 рюмки водки</i>	<i>1 р. 20 к.</i>
<i>1 филей</i>	<i>2 р.</i>
<i>2 шашлыка из барашка</i>	<i>2 р.</i>
<i>2 барашка</i>	<i>2 р.</i>
<i>Салат тирбушон</i>	<i>1 р.</i>
<i>Кофей</i>	<i>2 р.</i>
<i>Прочее</i>	<i>11 р.</i>
<i>Итого</i>	<i>27 р. 75 к.</i>

С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы».*

Тогда же, вероятно, Бунин написал известные стихи о В.И. Березине, покойном владельце Суук-Су. После смерти в Париже инженер был перевезён в фамильный склеп в Суук-Су. Перед могилой Березина Бунин продекламировал стихи. Это был экспромт, на которые Бунин был большой мастер: «Тут похоронен русский инженер, скончался он в Париже, но если бы он жил поближе, то много доброго б сумел»...

Побывал здесь и сын старшего друга Чехова, известного поэта Алексея Плещеева. Александр Алексеевич в 1884 — 1885 годах издавал

* (Цит. по изданию: Бунин Иван. О Чехове. В кн.: Путешествие к Чехову. Сост. В.Б. Коробов. М., 1996. С. 463).

и редактировал «Театральный Мирок», в начале XX века — «Петербургский Дневник Театрала». Написал около 30 пьес, пять из которых представлены на Императорской сцене. Издал книгу «Наш балет», а также несколько рассказов и сборников пьес. А.А. Плещеев, по семейной традиции, состоял в дружбе с Чеховым. В разные годы он опубликовал в журнале «Петербургский Дневник Театрала» воспоминания о Чехове. Позднее, в 1931 году, он свел их в чеховскую главу книги «Что вспомнилось (за 50 лет)». Книга была опубликована в Париже. В начале XX века Плещеев навестил Чехова в Ялте, они встречались на Белой даче, беседовали о литературе, о театре. Есть тут и гурзуфские эпизоды. Они касаются осени 1900 года — вскоре после того, как Антон Павлович провел два уединенных дня на гурзуфской дачке: писал пьесу «Три сестры»... Плещееву он сказал: «Ялту я нередко покидаю на день, на два... накутит, отправляюсь на пароходе в Гурзуф... море я очень люблю!» (П.,9, 485). Из этого можно сделать вывод, что гурзуфские вояжи Чехова были не так уж и редки.

Чехов подарил Плещееву фотографию, сделанную в ялтинском фотоателье «Юг»: «Александру Алексеевичу Плещееву на память о нашей поездке в Гурзуф 11 октября 1900 г. А. Чехов». Приведу несколько фрагментов воспоминаний Плещеева об этой поездке.

«Был у Антона Павловича еще уголок в Гурзуфе, куда он ездил работать. <...> Кругом хижины раскинулись такие же домики. Около обрыва, в нескольких шагах от хижины, шумят волны...

— Никому не говорите об этом уголке! — просил меня Чехов. — Никто не знает, что у меня здесь земля и избушка.

Хотел мне Чехов показать внутренности хижины, но дворника не было, а ключи он унес с собой. Смотрели сквозь стекла дверей и окон. В Гурзуфе мы обедали, слушали военную музыку и возвратились в Ялту к вечеру» (П., 12, 474).

Как знать, может, отзвуки этой военной музыки мы услышали потом в пьесе «Три сестры»...

Второй эпизод касается совместного обеда в гурзуфском ресторане, расположенном в Губонинском парке. Сейчас в этом здании расположена санаторная столовая. Это свидетельство стало известно широкому читателю благодаря публикации материалов известного собирателя Жукова, жившего в Таллине.

«Я приехал с Чеховым из Ялты в Гурзуф, в самый выхолонный из русских курортов. Играла военная музыка. Едва ли не был праздничный день. Когда мы вошли в большой зал местного ресторана, Чехов увидел за одним из столов компанию и, обращая ко мне, шепнул: — Пойдем подальше, в другую комнату, в уголок, чтобы не видели. Это Пастухов здесь с приятелями. Повеет вместе обедать, а это тяжело...».

«Николай Иванович Пастухов (1831–1911), — пишет далее Плещеев, — был издателем и основателем “Московского листка” и представлял собою на редкость <...> незабываемую фигуру старой Москвы. Колоритной личности Пастухова посвящена глава в книге В. Гиляров-

ского “Москва газетная”. Популярность его была широка: он был автором бульварного романа “Разбойник Чуркин”. Когда он ехал в ландо (он почему-то всегда ездил в огромном ландо), ему козыряли городовые. Пастухов нажил своей газетой огромное состояние, был по натуре добрым человеком, но диким, самодуром и оригиналом. Газету его в литературных кружках презирали, и тем не менее некоторые из судей строгих пописывали у Николая Ивановича и не прочь были взять у него аванс. Выдавал он авансы из кармана, без расписок. Пастухов говорил многим “ты” и только когда сердился на кого-нибудь переходил на “вы”.

Плещеев приводит воспоминание А. Амфитеатрова о застольях Пастухова: “В Большом Московском (трактире) он имел однажды навсегда определенный стол, за которым и заседал ежедневно часа четыре, окруженный несметной свитой прихлебателей. Сколько он всякого сброда поил и кормил, не сосчитать. Если бы не ломался над ними, то, пожалуй, можно было бы сказать, что добро делал. А то выходило вроде Хлынова из “Горячего сердца”: хочешь сыт быть, поступай ко мне в шуты». (Амфитеатров А. В. Новое литературное обозрение, 2004. С. 277).

Чехов, по свидетельству А. Плещеева, печатался в “Московском листке” и был в непростых отношениях с его издателем. На сей счет имеется письмо Чехова к Н. Лейкину от 25 декабря 1883 года: “... Пастухов, обидевшийся на меня за заметку о московской малой прессе, под рассказом Агафопода Единицына <...> подмахнул “А.Чехов”. Рассказик плохенький, но дело не в качестве рассказа: плохой рассказ не в укор писаке средней руки, да и не нужны хорошие рассказы читателям “Московского листка”. <...> Полной фамилией я подписуюсь только в “Природе и охоте” и раз подписался под большим рассказом в “Альманахе Стрекозы”, готов, пожалуй, подписываться везде, но только не у Пастухова. Но далее... Благополучно паскудствующие “Новости дня” “в пику” конкуренту своему Пастухову напечатали в своем рождеств[енском] номере произведения господ, изменивших накануне праздника своему благодетелю Пастухову (Вашков, Гурин и др.). Номер вышел ядовитый, “политичный”. Чтобы еще громче пшикнуть под нос Пастухову, “Новости дня” под одной маленькой ерундой, которую я постыдился бы послать в “Осколки” <...> подмахнули тоже мою полную фамилию ... “На, мол, гляди, Пастухов: к тебе не пошел, а у нас работает, да еще под полной фамилией”. Выходит теперь, значит, что я работаю и в “Новостях дня” и в “Моск[овском] листке”, служу двум богам, коих и предал в первый день Рождества: и Пастухову изменил, и Липскерову. “Новости дня” тоже злятся за ту заметку” (Письма, т. 1, с.94).

Ранее (13 мая 1883 года) Чехов писал брату Александру: “Пастухов водил меня ужинать к Тестову, пообещал 6 к. за строчку. Я заработал бы у него не сто, а 200 в месяц, но, сам видишь, лучше без штанов, с голой ж <...> на визит пойти, чем у него работать” (там же, с.70).

Гурзуфская атмосфера никак не вязалась со старыми московскими дразгами:

«Чехов, — пишет А.Плещеев, — не был расположен беседовать с Пастуховым и его компанией. Обедали мы в другой комнате, в сторонке, и были уверены, что никто нас не заметил. Мы ошиблись: когда я встретил Н.И. Пастухова в Москве, он был сух со мною и не скрывал обиды.

— В Гурзуфе были? С Чеховым обедали? Видели мы вас. Гнушаться стали, старых приятелей забыли.

Потом Николай Иванович смиростивился и продолжал в более ласковом тоне:

— Скажи Антону Павловичу, что обидели вы меня, что не ожидал я! Даже не подошли поздороваться.

Я сообщил эту претензию Чехову, и он признал ее справедливой, объяснив, что ему просто тяжело было много разговаривать, что он устал и искал отдыха».

Отметим, что тема «рабов» и «рабовладельцев» в малой прессе постоянно волновала Чехова. На сей счет есть воспоминания ялтинского журналиста Михаила Первухина, который приехал на Южный берег по той же причине, что и Чехов. Весною 1900 года он сделался постоянным сотрудником ялтинской, тогда единственной на всем южном берегу Крыма газеты «Крымский курьер».

А.П. Чехов очень резко отзывался как о самой газете, влачившей жалкое существование, так и об издательнице, державшей и газету и сотрудников в черном теле. В то же время Чехов интересовался газетою и иногда заглядывал к Первухину на дом, чтобы узнать последние новости до выхода номера. Однажды Первухин осведомился — почему он не заглядывает в редакцию? Чехов нахмурился, а потом разразился резкой филиппикой.

«— Не только на вашу газету, — говорил он сурово, — но и на большинство провинциальных и даже столичных газет мне тяжело смотреть! Еще тяжелее — заглядывать в редакции. Тяжело, тяжело!

— Да почему, Антон Павлович?

— А потому... Вот, на Сахалине я был. Там нечто в том же роде! Каторга какая-то!

Во-первых, в чьих руках огромное большинство газет сейчас? Вы скажете: в руках газетных работников! Неправда! Иллюзия! Газета — в руках издателей. А кто эти издатели? В одном месте — гоголевская помещица Коробочка ... тупая, безграмотная, алчная, для которой текст газеты совершенно безразличен, важны — объявления. Она готова всю газету сплошь занять объявлениями, а текст и совсем выбросить. Еще и лучше: из-за текста цензурные неприятности могут выйти, а из-за объявлений — никогда. И за объявления — ей деньги платят <...>

В другом месте в газете хозяйничает бывший кабацкий сиделец, который всех своих сотрудников на «ты» называет и при случае чуть ли не затрещинами кормит. И пичкает газету шантажными вещами. И

из попавших <...> к нему <...> мелких газетных работников <...> выработывает целую шайку газетных бандитов».

Далее Чехов сказал: «...сейчас — каждый раз, когда вижу молодого писателя, втягивающегося в газетное дело, — нехорошо у меня, признаться, делается на душе. Омут! <...> не хозяева вы в своих газетах, господа! Батраки, и больше ничего! Вы вкладываете свои силы, свои знания, свое здоровье... А в любой момент вам говорят:

— Милый друг! Не угодно ли вам уйти?»

Как это близко к записи, сделанной А.А. Плещеевым после встречи с Чеховым в Гурзуфе! Даже фраза о том, что рабовладельцы-газетчики «тыкают» своим сотрудникам — совпадает!

Ялта

